

Василий Брусянин

Дворянин Венчиков

Василий Васильевич Брусянин

Дворянин Венчиков

Серия «Дом на костях»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9468306

Аннотация

«Моё появление в усадьбе Степана Ивановича не произвело особенного впечатления ни на хозяев, ни на гостей.

Когда бричка, в которой я проехал 30 вёрст по отвратительной дороге, подкатила к воротам усадьбы, нас с возницей встретили две лающих дворняжки; в воротах со мною раскланялся какой-то мужичонко в чепане, наброшенном на плечи, а когда бричка остановилась около высокого крыльца со стеклянной дверью, – на пороге появился сам Степан Иванович, кругленький маленький человек, с брюшком и с лысиной на неуклюжем черепе. Он улыбнулся, прищурил глаза, и сказал:

– Пожалуйста-с, как раз к завтраку...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Василий Брусянин Дворянин Венчиков

I

Моё появление в усадьбе Степана Ивановича не произвело особенного впечатления ни на хозяев, ни на гостей.

Когда бричка, в которой я проехал 30 вёрст по отвратительной дороге, подкатила к воротам усадьбы, нас с возницей встретили две лающих дворняжки; в воротах со мною раскланялся какой-то мужичонко в чепане, наброшенном на плечи, а когда бричка остановилась около высокого крыльца со стеклянной дверью, — на пороге появился сам Степан Иванович, кругленький маленький человек, с брюшком и с лысиной на неуклюжем черепе. Он улыбнулся, прищурил глаза, и сказал:

— Пожалуйте-с, как раз к завтраку...

Я пожал его руку, поздравил с днём ангела, и он снова улыбнулся, потом почему-то покраснел и тихо проговорил:

— Благодарствуйте-с... Покорно благодарим... А у нас там и гости съехались, соседи...

Он провёл меня в зал, с гардинами на окнах, подбежал к узенькой двери направо и громко крикнул:

— Серафима Васильевна!

Через минуту в двери появилась низенькая, пухленькая дама в тёмном платье с белыми кружевами и в переднике, который она свернула в трубку и конфузливо припрятывала за бок. Я пожал её протянутую руку, и она так же как и муж проговорила:

– Пожалуйста-с, как раз к завтраку...

Я поздравил её с именинником, и она, поблагодарив меня, попросила пройти на террасу.

На террасе были гости, очевидно, так же как и я приехавшие поздравить хозяина. За столом, покрытым белой скатертью, сидели трое мужчин и дама.

Когда хозяин представил меня даме, она пробормотала что-то вместо фамилии и улыбнулась, наклонив голову, так что вместо лица её я рассмотрел тёмную кружевную наколку на седых выующихся волосах. Фамилии господина в тёмном сюртуке, белом галстуке и с седыми усами я также не слышал, встретившись с пристальным взглядом его больших серых глаз.

Его сосед, мужчина лет 50, обернул ко мне своё красное одутловатое лицо с широкой бородой и залысившимся лбом и безмолвно протянул ко мне свою полную руку. Потом он приподнялся со стула, обдёрнул полы своего сюртука и снова в безмолвии сел.

Рыжий, с проседью, широкоплечий господин в парусинном пиджаке, сидевший по другую сторону стола, слегка приподнялся, когда я подошёл к нему, и громко произнёс:

– Дворянин Венчиков! – и обернувшись к господину в сюртуке и меняя тон, добавил. – Так вот, я его прямо за шиворот да и в переднюю.

– Кого это? – спросил хозяин.

– Преображенского... судебного пристава, – спокойно ответил хозяину дворянин Венчиков. – На ружья хотел печати наложить. Понимаете, на ружья... Да, ведь, это что же такое, чёрт возьми! У меня ружья дороже его... Да, наконец, что же я без ружей буду делать?.. Со скуки подохнешь, да опять же я и не могу, не могу...

Дворянин Венчиков посмотрел на меня каким-то испытующим взором и несколько спокойнее добавил:

– Выпроводил я его в переднюю, забрал свои все ружья и пистолеты, да ягдташи, да в окно с ними, прямо в сад... А потом, понимаете, в ригу с ними, в самый дальний угол, да там и спрятал их под солому, – сам чёрт не найдёт... Прихожу потом в дом как ни в чём не бывало и вижу – сидит мой пристав за письменным столом и что-то пишет. Покосился на меня, переглянулся с урядником и хоть бы слово!.. Понимаете, понял, собака, что ружья для меня – святыня, неприкосновенность!.. Вот видите – и в нём сказался благородный человек...

Говорил дворянин Венчиков таким густым басом, а мне всё время казалось, что к моим ушам приложены широкие концы рупора, в который говорит этот полный здоровья человек, с отвисшим брюшком и красными щеками.

Закончив свой рассказ о благородстве судебного пристава, Венчиков отдулся, стёр платком со лба капли пота и с улыбкой на лице проговорил, обращаясь к хозяйке:

– Позволили бы вы мне ещё стаканчик кофейку... Чудесный у вас кофе!..

Появившаяся в эту минуту в дверях горничная с подносом, на котором стояло несколько стаканов с чёрным кофе, с улыбкой подошла к Венчикову, а улыбающийся хозяин вставил:

– Вот-с, пожалуйста... С быстротою молнии...

– Да, да... Даша ваша – быстрая девица, быстрая... Замуж вот только не хочет идти за моего Панкратова... А он, бедный, всё полнеет да полнеет...

Хозяева, дама с седыми волосами и гость с широкой бородой рассмеялись, а мы с господином в сюртуке взяли себе по стакану кофе и заговорили о породе. Скоро к нашему разговору присоединились и остальные, кроме Серафимы Васильевны, которая, извинившись, пошла распоряжаться по хозяйству.

С разговора о погоде незаметно перешли к охоте, чему способствовал, главным образом, Венчиков, встретив поддержку со стороны седого худощавого господина в сюртуке, которого, как оказалось, звали Николаем Романовичем Постниковым.

– А вот мы с Лукою Данилычем так ничего не понимаем в охоте, тяжелы, что ли, на подъём али так с детства

не приспособились, – начал хозяин, присаживаясь между мною и человеком с тёмной широкой бородою.

– Когда я был мальчонкой – с удочкой любил ходить, – вставил Лука Данилыч.

– Когда ты, Чумаков, был мальчиком – рыбку на стальные крючочки ловил, а теперь на медные да на серебряные ловишь человечков, – вмешался в наш разговор Венчиков, бесцеремонно «тыкая» купца и ехидно улыбаясь...

– Ха-ха!.. И шутник же вы, Сергей Константинович, – только и нашёлся возразить немного разобиженный купец.

Степан Иванович покраснел за обиженного гостя и, очевидно, с намерением переменить разговор, начал, обращаясь ко мне:

– Вот беда-то у нас страшная: всё высохло – и хлеба, и травы полегли да пожелтели, и в саду всё посохло.

– Я уж и не знаю, что с земной поверхностью делается, – прерывая хозяина, заговорил и Николай Романович, – то великий ливень, так что хоть наводнением в пору назвать, то сушь... Бог знает, что творится...

– Бога прогневили... Бога... Забыли люди заповедь его, вот и пошли долголетние наказания, – счёл необходимым высказать своё мнение и Лука Данилович Чумаков.

– А вот находятся же писаки, бумагомаратели, которые, видите ли, больше нас знают... Да-с!.. Они вон всё на дворян да на землевладельцев сваливают. «Потому, – говорят, – дворянская земля и не родит, что господа дворяне не умеют

её обрабатывать»... Ты всё знаешь, так вот ты нам и покажи, – вдруг переменив тон, обратился он к какому-то «ты». – Все, изволите ли видеть, упрекают дворян в том, что они разучились обрабатывать землю и живут себе, проживая последние усадьбы, а того господа учёные да корреспонденты и не сообразят, что всему вина – стихия. Природа!.. Да-с, стихия!.. Что ты в самом деле с нею сделаешь? Палит солнце целыми днями – и ничего ты с ним не сделаешь. Тоже и дождь: соберутся тучи, загромыхает гром и польются ручьи... Подставляй ладонь-то, уберегай сена... Пожалуй, убережёшь!.. Вы, господа, – почему-то обратился он ко мне, – не землевладельцы, природы не наблюдаете и ничего не знаете, что тут у нас делается. Приедете вот вы, примерно, хоть в гости к Степану Иванычу, рассмотрите только одни одно-сторонние явления, а потом и хватъ – корреспонденция!.. И начнут газетчики глумиться над нашими местами и начнут везде критику наводить: там дворяне не умеют землю обрабатывать, тут у них усадьбы валяются, там земские начальники притесняют народ, тут ещё что-нибудь неладное... Тьфу!.. Приехали бы, пожили с нами да в наши-то шкуры залезли бы, вот тогда и поняли бы всю подноготную...

Венчиков прервал поток своих словоизвержений и тяжело вздохнул.

– А батюшка Никандр обещал к вам пожаловать? – воспользовавшись молчанием, спросил Чумаков, обратившись к Степану Ивановичу.

– Нет, не будет, – с сокрушением в голосе отвечал хозяин, – сегодня на панихиде по Александру Александровичу Хвостову...

Венчиков вытер губы салфеткой и произнёс:

– Да, помер Александр Александрович, царствие ему небесное!.. Убираются наши столбовые, коренные губернские дворяне, убираются... один за другим, один за другим...

– Да, убираются, – вздохнув, произнёс и Николай Романович.

– И нам с вами, Николай Романович, верно, недолго останется проскрипеть, – снова начал Венчиков.

Наступило мрачное молчание, как будто над головами присутствующих зареяли призраки смерти, напугав всех нас, благодушно настроенных гостей Степана Ивановича.

– Фамилия Хвостовых – самая древняя у нас в губернии, – вставила и всё время молчавшая Марья Романовна Постникова. – Была я ещё подростком, а они все, Хвостовы, служили в кавалерии... Бывало, ни один губернский бал не пройдёт без них. Красавцы были, танцоры... В прошлом году повстречалась я с покойным Александром Александровичем, и так же вот вспомянули мы с ним прошлое, да оба чуть и не всплакнули... Сидит он предо мною – худой, старый и чуть дышит... Да и я-то тоже чуть ноги таскаю... Брат его, Николай Александрович, был ещё прекраснее... В гвардию потом перевёлся, в Петербург, да там и помер...

– Да, пожили в своё время Хвостовы. На всю, да что на всю губернию – на всю Россию гремели своим богатством да знатностью, – с пафосом начал было Венчиков, но потом как-то сразу тон его голоса упал, и он негромко добавил, – да, пожили мы, пожили...

Венчиков налил себе в стаканчик мадеры, отхлебнул несколько глотков и, обращаясь к Степану Ивановичу, начал:

– Вот ваше сословие, Степан Иваныч, не может пожить так, как когда-то жили дворяне... Нет в вас во всех этакого дворянского-то духа, смелости-то этой не отыщется.

Степан Иванович поднял голову и посмотрел на гостя смущёнными глазами, очевидно, затруднившись, как поступить – обидеться ли за всё своё сословие или улыбнуться в знак согласия с мнением прямолинейного Венчикова, но потом он улыбнулся и тихо проговорил:

– Не скажите, Сергей Константинович. Умеем и мы погулять.

– Да-а, не скажите! – пришёл на помощь хозяину и Чумаков.

– Ну-у, Лука Данилыч! – не унимался Венчиков. – Поедете вы раз в год на Нижегородскую ярмарку или в Москву да и напьётесь так, что и не помните ничего и ничего не видите, что у вас перед глазами... Это раз-то в год – какая гулянка!?. А?.. У нас, бывало, целый год Нижегородская ярмарка! Да!.. Целый год...

Он допил из стакана вино и, повернув ко мне лицо, неожиданно для всех спросил:

– А вы, если позволите узнать, к какому сословию себя причисляете?..

И он пристально осмотрел мои волосы, лицо, руки и костюм. Я сказал.

– О-о!.. Мещане!.. Это уже совсем отсталый народ, так сказать, на задворках цивилизации... Вы, конечно, на меня не обидитесь, – переменяя тон, продолжал он и даже протянул через стол руку и слегка дотронулся до моего рукава, – вы, конечно, на меня не обидитесь, потому речь идёт не о вас лично... Вон Степан Иваныч говорил мне, что вы – человек образованный, в университете побывали. Вы, так сказать, личный дворянин по закону, а я говорю о мещанах, об этих серых мещанах, которые вон у нас в городе торгуют там разными овощами да бубликами, да хатки себе этикие крошечные понастроили и на ставенках петушков нарисовали...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.